

Русская національная идея у Достоевскаго.

Мы признаемъ опредѣленіе Русской культуры, какъ культуры «евразійской». Въ этомъ понятіи нѣтъ ничего парадоксальнаго и ничего новаго. Оно было осознано еще въ прошломъ вѣкѣ, хотя самый терминъ, которому группировки, принявша названіе евразійскихъ, склонны придавать, пожалуй, преувеличенное значеніе, не существовалъ. На нашъ взглядъ «Евразія» есть наименованіе аналитическое, тогда какъ синтетическое наименованіе есть — *Россія*. Мы предпочитаемъ это послѣднее слово, какъ предпочитаемъ синтетическое слово «рубинъ» — аналитическому термину «окись алюминія».

Но, недоумѣнія возникаютъ не столько изъ за терминологіи, сколько изъ за неясности самого понятія. Понятіе о *Русскомъ славѣ*, создавшемся изъ евразійскихъ элементовъ на азіатской землѣ еще не укрѣпилось въ умахъ. И, если о славянофильствѣ давно уже не можетъ быть и рѣчи, то приходится нерѣдко наблюдать заскоки въ сторону европеизма или азіейства.

Изъ нашихъ учителей и предшественниковъ Достоевскій выразилъ съ наибольшей ясностью отношеніе Россіи къ Востоку и Западу. Однако, многіе объ этомъ отношеніи Достоевскаго просто неосвѣдомлены. Нѣкоторые «евразійцы» явно предпочитаютъ ему рядъ второстепенныхъ мыслителей. Заграничные изслѣдователи не видятъ цѣлостности въ твореніяхъ нашего пророка. Этому доказательство и недавно вышедшій трудъ профессора Маннинга: — «Достоевскій и Скифизмъ».

Настоящая статья, далеко не исчерпывающая вопроса, — является отвѣтомъ младороссовъ на этотъ трудъ американскаго ученаго, во многихъ отношеніяхъ цѣнный и замѣчательный.

Первымъ исходнымъ положеніемъ въ вопросѣ объ отношеніи Достоевскаго къ Европѣ, можно поставить осознаніе *неравенства* между Россіей и Европой. *Россія — есть міръ особый, отъ Европы отличный.*

Изъ опредѣленія этого неравенства, которымъ проникнуты рѣши-

тельно всё слова Достоевскаго на тему о Европѣ проистекають два естественныхъ, математическихъ вопроса: 1) на чьей же сторонѣ превосходство? и 2) есть ли у членовъ неравенства общіе множители?

Достоевскій отвѣчаетъ исчерпывающе на оба вопроса. Не приводя пока цитаты, систематизирую заранѣе отвѣты слѣдующимъ образомъ:

1) Превосходство Россіи надъ Европой несомнѣнно, потому что русскій понимаетъ и воплощаетъ лучшія стороны европейца, а европеецъ Россіи не понимаетъ.

2) Общимъ множителемъ (и объясненіемъ вышеизложеннаго соотношенія) является наличіемъ европеизма, какъ элемента русской культуры. Выражаясь алгебраически: $E < E+A$; $E+A=R$.

3) Русская культура составлена изъ двухъ, дополняющихъ друга друга множителей: она не двусмысленна, а двуглава.

Не развивая далѣе этой систематики, попробуемъ высказать словами самого Достоевскаго приведенные пункты.

Начнемъ съ непониманія Россіи Европой:

«Не хотѣли», говорить Достоевскій, — «европейцы насъ почестъ за своихъ, ни за что, ни за какія жертвы и ни въ коемъ случаѣ. Grattez дескать le Russe et vous verrez le tartare и такъ и доселѣ». «Они поняли, что мы чего то хотимъ, чего то страшнаго и опаснаго, поняли, что насъ много, восемьдесятъ миллионъ, что мы знаемъ и понимаемъ всё европейскія идеи, а что они нашихъ, Русскихъ идей, не знаютъ, а если узнаютъ, то не поймутъ, что мы говоримъ на всѣхъ языкахъ, а они лишь на однихъ своихъ».

«Если есть на свѣтѣ страна», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «которая была бы для другихъ отдаленныхъ или сопредѣленныхъ съ нею странъ болѣе неизвѣстною, неизслѣдованною и непонятною, то эта страна безспорно Россія для западныхъ сосѣдей своихъ. Никакой Китай, никакая Японія не могутъ быть покрыты такой тайной для европейской пытливости, какъ Россія, прежде, въ настоящую минуту и даже можетъ быть еще долго въ будущемъ. Мы не преувеличиваемъ. Китай и Японія во-первыхъ очень далеки отъ Европы, а во-вторыхъ и доступъ туда очень труденъ, Россія же вся открыта передъ Европой, Русскіе держатъ себя совершенно на распашку передъ европейцами, а между тѣмъ характеръ Русскаго можетъ быть еще болѣе слабѣе обрисованъ въ сознаніи европейца, чѣмъ характеръ китайца или японца. Для Европы Россія одна изъ загадокъ Сфинкса. Скорѣе изобрѣтется переплетуумъ мобиле или жизненный эликсиръ, чѣмъ постигнется Западомъ Русская истина, Русскій духъ, характеръ его и направленіе»...

«Въ разное время употреблены были пытливыми сосѣдами нашими довольно большія усилія для узнаванія насъ, были собраны матеріалы, цифры, факты, производились изслѣдованія, за которыя мы чрезвычайно благодарны изслѣдователямъ, потому что эти изслѣдова-

нія для насъ самихъ были чрезвычайно полезны. Но, всевозможныя усилія вывести изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, цифръ, фактовъ, что нибудь основательное, путное, дѣльное собственно о Русскомъ человѣкѣ, что нибудь синтетически вѣрное, — всѣ эти усилія всегда разбивались о какую-то роковую, какъ будто къмъ-то и для чего-то предназначенную невозможность...

Мы не европейцы — хотя содержимъ въ себѣ элементы европейскихъ достижений — вотъ объясненіе загадки: «Да какъ же бы они наконецъ насъ постигли», восклицаетъ Достоевскій, — «когда одна изъ главнѣйшихъ нашихъ особенностей именно та, что мы не европейцы, и они не могутъ мѣрять насъ никакъ на свой аршинъ.»

«Англичанинъ до сихъ поръ никакъ еще не въ состояніи допустить разумности существованія француза. — Французъ платитъ ему той же монетой». Кровные инстинкты, мѣстные шовинизмы мѣшаютъ европейцамъ понимать не только чужихъ, но и другъ друга. Мы же, кровно съ Европой почти не связанные, находимся внѣ вліянія шовинизмовъ; усвоивъ же европейскую культуру со свойственной намъ глубинностью и чуткостью, мы, единственные можемъ быть «панъ-европейцами» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. сверхъ-европейцами. Современная Русская культура не есть культура «славянская», а культура евразійская, синтетическая: «Я во Франціи — французъ, съ нѣмцами — нѣмецъ, съ древнимъ грекомъ — грекъ и, тѣмъ самымъ, я настоящій Русскій и наиболѣе служу Россіи», говоритъ Версиловъ.

Эти слова, которыя европейцу могли бы показаться оппортунизмомъ, объясняются Русскою *всечеловѣчностью*, апофевсомъ которой является Пушкинская рѣчь. Пушкинъ — по Достоевскому — болѣе европеецъ, чѣмъ европейцы и одновременно, тѣмъ самымъ, воплощеніе, концентрація Русскости. Отношеніе Русскихъ къ Европѣ есть отношеніе надъ-партійное, и символомъ его является Пушкинъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Достоевскій, «въ европейской литературѣ были громадной величины художественные гении, Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ гениевъ, который бы обладалъ способностью всемірной отзывчивости, какъ нашъ Пушкинъ. И эту то способность, главнѣйшую особенность нашей національности онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ и тѣмъ, главнѣйше, онъ народный поэтъ.»

«Обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира его италянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Вотъ — сцена изъ Фауста, вотъ — «Скупой Рыцарь» и баллада «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный». Перечтите «Донъ-Жуана» и, ес-

ли бы не было подписи Пушкина, вы бы не узнали, что это написал не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ «Пиръ во время чумы». Въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англій; эта чудесная пѣсня героя поэмы, пѣсня Мэри со стихами:

«Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса»,

— это англійская пѣсня, это тоска британскаго генія, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго...

«Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозныя же строфы изъ Корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная, кровавая сила ея»...

«Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такой всемірной отзывчивостью, какъ Пушкинъ и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ».

«Тутъ и выразилась наиболѣе его національная Русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго».

А въ другомъ мѣстѣ «Дневника Писателя» Достоевскій объясняетъ, что быть народнымъ, значитъ не народъ полюбить, а полюбить то, что народъ любитъ. Быть народно-русскимъ, значитъ, слѣдовательно, быть какъ Пушкинъ сверхъ-европейцемъ, а не отрицать Европу по-западному слѣпо.

Тутъ важно уяснить себѣ, что именно европейскаго имѣется въ насъ въ видѣ фактора «Е» моего уравненія, или въ видѣ частицы «Евр» въ новомъ словѣ «Евразія».

Кровно съ Европой весьма мало родственные, мы породнились съ нею культурно. Взглядъ Достоевскаго на это родство опять такъ строго послѣдователенъ. Систематизируя его слова, скажу, что Достоевскій признаетъ европейскія культуры, отрицая цѣнность европейской цивилизаціи, и въ этомъ отношеніи заключается разгадка его взгляда на Европу старую и Европу современную: «Намъ отъ Европы никакъ нельзя отказаться», говоритъ онъ, «Европа — наше второе отечество и я первый страстно исповѣдую это и всегда исповѣдывалъ».

Достоевскій оправдываетъ Петра. Россія должна была повернуться къ Европѣ, — повернуться и, переваривъ Европу, пойти дальше, своимъ путемъ. Европеизмъ былъ только *этапомъ* нашей исторіи и этотъ этапъ закончился. Теперь европеизмъ переваренъ и входитъ въ насъ какъ элементъ. Впитали мы въ себя, конечно, только элементы духовныя, потому что именно къ глубинному обращена Русская душа. Такъ, приблизительно, можно резюмировать идеи, проводимыя Достоевскимъ прежде всего въ «Дневникѣ Писателя».

«Стремленіе наше въ Европу», говорить онъ, «даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно въ основаніи своемъ, но и народно, совпадало вполне со стремленіемъ самаго духа народнаго, и въ концѣ концовъ, безспорно имѣеть и высокую цѣль».

Цѣлью является не экономическое или политическое подражаніе Европѣ: «Нищая земля наша можетъ быть въ концѣ концовъ сказать новое слово міру», говорить Достоевскій въ Пушкинской рѣчи, и посвящаетъ въ Дневникѣ Писателя:

«Можетъ ли кто сказать, что Русскій народъ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономическому преуспѣванію и развитію европейской интеллигенціи нашей, возвысившейся надъ народомъ нашимъ, сама же по себѣ заключаетъ лишь мертвую косность, отъ которой ничего не слѣдуетъ ожидать и на которую совсѣмъ нечего возлагать никакихъ надеждъ? Увы, такъ многіе утверждаютъ, но я рискнулъ объявить другое. Утвеждать же, что нищая и неурядная земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь высокія стремленія, пока не сдѣлается экономически и гражданственно подобной западу — есть просто нелѣпость».

По Достоевскому мы должны были «понюхать Европы», должны были познать европейскую цивилизацію, но сдѣлать изъ нея свои выводы.

«Мы знаемъ», говорить онъ, обращаясь къ европейцамъ, — «а вы не знаете, что ваша цивилизація явилась у насъ какъ плодъ естественный, а не потому только, что жилъ на свѣтѣ женевецъ Лефортъ и т. д. Мало того: что цивилизація уже совершила у насъ весь свой кругъ: что мы ее уже выжили всю, приняли отъ нея все то, что слѣдовало и свободно обращаемся къ родной почвѣ. Нужды нѣтъ, что не велика въ насъ масса людей цивилизованныхъ. Не въ величинѣ дѣло, а въ томъ, что уже исторически законченъ у насъ переворотъ европейской цивилизаціи, что наступаетъ другая.»

«У насъ сознали, что цивилизація только приноситъ новый элементъ въ народную жизнь нашу, нисколько не повредивъ ей... а напротивъ, расширивъ нашъ кругозоръ, уяснивъ намъ же самимъ наши цѣли и давъ намъ новое оружіе для будущихъ подвиговъ.»

«Новая Русь знаетъ, что уже кончила съ вашей европейской цивилизаціей и теперь начинаетъ новую, неизмѣримо широкую жизнь. И теперь, когда она обращается къ народному началу, она несетъ ему въ подарокъ науку, — то что отъ васъ съ благоговѣніемъ получила и за что вѣчно будетъ поминать васъ добромъ, — не цивилизацію вашу несетъ она всѣмъ Русскимъ, а науку, добытую изъ вашей цивилизаціи».

Достоевскій любитъ Европу, давшую великія идеи, Европу духа, но презираетъ Европу современную, промѣнявшую духъ на матеріальныя выгоды. Въ этомъ отношеніи Достоевскій не двойствененъ, а на-

оборотъ, строго цѣлостенъ. Онъ любитъ истоки Европы, но не выносить Европу, сдѣлавшую неправильные выводы. «Теперь въ Европѣ хотятъ утвердиться на жалкомъ принципѣ — спасти животинки.» «Въ Европѣ стараются устроить общественный муравейникъ на одномъ только эгоистическомъ началѣ», — вотъ отдѣльныя мнѣнія его о современной Европѣ.

Онъ видитъ будущее Европы въ черномъ цвѣтѣ, предсказываетъ, что Европа утонетъ въ социальной революціи, которая будетъ для Россіи лишь испытаніемъ, что европейское устройство «завтра же въ Европѣ рухнетъ».

Съ безопадной проницей характеризуетъ Достоевскій французъ и нѣмцевъ, опошленіе, холодность и неискренность Запада. Та Европа, которую онъ любитъ — есть Европа прошедшаго. Онъ вкладываетъ въ уста Версилова восторженные слова объ Европейской старинѣ: «Русскому Европа также драгоценна, какъ Россія, каждый камень въ ней милъ и дорогъ. Европа также была отечествомъ нашимъ, какъ и Россія. Нельзя болѣе любить Россію, чѣмъ люблю ее я, но я никогда не упрекаю себя за то, что Венеція, Римъ, Парижъ сокровища ихъ науки и искусства, вся исторія ихъ мнѣ милѣй, чѣмъ Россія. О, Русскимъ дороги эти старыя, чужіе камни, эти чудеса стараго Божьяго міра, эти осколки святыхъ чудесъ; и даже это намъ дороже, чѣмъ имъ самимъ.»

Эта любимая Европа вся въ прошломъ.

«Я хочу въ Европу съѣздить», говоритъ Иванъ Карамазовъ, «и вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но на самое дорогое кладбище, вотъ что. Дорогіе тамъ лежатъ покойники, каждый камень надъ ними гласитъ о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними — въ то же время убѣжденный всѣмъ сердцемъ въ томъ, что все это уже давно кладбище и никакъ не болѣе».

**
*

Если приведенныя выдержки являются такъ сказать сентиментальнымъ кредо, то политическіе выводы всецѣло и логически протекаютъ изъ изложенныхъ воззрѣній.

Роль Россіи въ Европѣ есть роль мессіанская. Выгодъ Россія отъ Европы больше не получить. Но она должна исполнить свой долгъ въ Европѣ, спасти культурныя цѣнности, которыя Европа не въ силахъ сохранить сама.

Европа, предоставленная самой себѣ, падетъ жертвою шовинизма. Выражаясь словами Ивана Карамзина, «одна гадина пожретъ другую гадину».

«Никогда еще», говорить Достоевскій, «Европа не была начинена такими элементами вражды, какъ въ наше время. Точно все подкопано, и начинено порохоми и ждетъ только первой искры.»

«Европа безспорно дошла до того, что ей всего дороже выгода текущая, выгода настоящей минуты, и даже чего бы она ни стоила, потому что житье они тамъ только день за днемъ, одной только минутой и сами не знаютъ, что будетъ съ ними завтра.»

«Выставится знамя съ надписью на немъ : «Après nous le deluge». Неужели славная «цивилизация» доведетъ европейскаго человѣка, да тѣмъ съ нимъ и покончить. Къ тому идетъ...»

Но «Правда, — какъ солнце, — ее не спрячешь, назначеніе Россіи станеть, наконецъ, ясно самымъ кривымъ умамъ и у насъ, и въ Европѣ».

«Мы же, Россія, мы все еще вѣримъ въ нѣчто неизблемое, у насъ созрѣвающее, а слѣдовательно ищемъ выгодъ постоянныхъ и существенныхъ».

«Россія есть начало нравственное въ противовѣсъ началу матеріальному, Россія — Донъ-Кихотъ».

«Обнажимъ если надо мечъ во имя угнетенныхъ и несчастныхъ, хотя бы даже и въ ущербъ текущей, собственной выгоды.. Да укрѣпится въ насъ еще тверже вѣра, что въ томъ то и есть настоящее назначеніе Россіи, сила и правда ея».

Россія должна стать оплотомъ культуръ и мира въ Европѣ. Только ей доступна эта возможность, потому что въ Русскомъ характерѣ «выступаетъ способность высоко-синтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ Русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости».

Европа страна раздвоеній и дилеммъ — Россія — страна смычекъ.

«Русскій человѣкъ», говорится въ Дневникѣ Писателя, «со всѣми уживается и во все вживается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому внѣ различія національности, крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько-нибудь есть обще-человѣческаго интереса. У него инстинктъ общечеловѣчности. Онъ инстинктомъ угадываетъ обще-человѣческую черту даже въ самыхъ рѣзкихъ исключительностяхъ другихъ народовъ, тотчасъ же соглашается, примиряетъ ихъ въ своей идеѣ, находитъ имъ мѣсто въ своемъ умозаключеніи и нерѣдко открываетъ точку соединенія и примиренія въ совершенно противоположныхъ, соперническихъ идеяхъ двухъ различныхъ европейскихъ націй».

Миссія Россіи въ Европѣ есть миссія христіанская, — не имперіалистическая, — миссія любви и примиренія. Дряхлая Европа въ представленіи Достоевскаго, какъ и въ представленіи Тагора сама при-

детъ некая Русской правды. И придетъ Россія къ Европѣ. Такъ сказано въ Пушкинской рѣчи :

«О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги. И, впоследствии, я вѣрю въ это; мы, т. е. конечно не мы, а будущіе, грядущіе Русскіе люди, поймутъ уже, всё до одинаго, что стать настоящимъ Русскимъ и будетъ именно значить внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей Русской душѣ, всечеловѣческой и всеобъединяющей, вмѣстить въ нее съ братской любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательно слово великой общей гармоніи, братскаго, окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову Евангельскому Закону.»

Я попытался словами Достоевскаго выразить его взглядъ на Европу. Онъ на нашъ взглядъ простирается всецѣло и стройно изъ первой аксіомы о неравенствѣ между Россіей и Европой.

И, конечно, если признать эту аксіому, то Достоевскій долженъ былъ рано или поздно высказаться и объ Азіи, и не только высказаться, но и *признать* Азію, — иначе онъ былъ бы одинокъ и изъ Русскаго цѣлаго принималъ бы только одинъ множитель.

Европейскій элементъ въ Русскомъ цѣломъ не равноцѣненъ азиатскому.

Отъ Европы пришла наука, пришла цивилизація, пришло богатое культурное наслѣдіе, сквозь полуювропейскую призму пришла религія, — но кровъ и почва родятся насъ съ Азіей, изъ Азіи наши инстинкты, наше подсознаніе, изъ Азіи наша плоть, изъ Азіи предрасположеніе къ вѣрѣ, изъ Азіи большинство нашихъ душевныхъ чертъ.

Европа — часть нашего прошлаго, — Азія — наша колыбель; Европѣ мы будемъ впредь только давать, изъ Азіи будемъ черпать наши жизненные силы, наша будущность — тамъ.

«Россія не въ одной только Европѣ», говоритъ онъ, «но и въ Азіи; Русскій не только европеецъ, но и азіатецъ. Мало того, въ Азіи можетъ быть еще больше нашихъ надеждъ, чѣмъ въ Европѣ. Мало того, въ грядущихъ судьбахъ нашихъ, Азія то и есть нашъ главный исходъ».

Съ какимъ то особеннымъ, радостнымъ чувствомъ говоритъ онъ далѣе объ Азіи :

«Азія — да вѣдь это и впрямь можетъ быть нашъ исходъ въ нашемъ будущемъ... И если бы совершилось у насъ хоть отчасти усвоеніе этой идеи — о, какой бы корень былъ тогда оздоровленъ. Азія — Азиатская наша Россія, вѣдь это тоже нашъ больной корень, который не то что воскресить, а пересоздать надо. Принципъ, новый принципъ, новый взглядъ на дѣло, вотъ что необходимо.»

Тутъ вскрывается самый смыслъ пророчества Достоевскаго, самая

сердцевина его историческаго ученія — вся глубина предсказаній грядущаго царства бѣсовъ. И не Азію, не скифизмъ проглядѣлъ онъ тутъ, какъ намекаетъ профессоръ Маннингъ: нѣтъ, причину катастрофы Достоевскій увидалъ не въ самой Азіи, а въ томъ, что *мы были Азію*.

Наша болѣзнь была въ томъ, что мы ходили на одной ногѣ. «Толчокъ Петра», говоритъ Достоевскій, «выдвинувшій насъ въ Европу, необходимый и спасительный въ началѣ, былъ все таки слишкомъ силенъ».

«Мы дѣзли къ Европѣ поминутно и неустанно, сами напрашивались во всё ея дѣлишки». «Что мы выиграли въ Европѣ, столь ей служба? — Одну ненависть».

Европейцы никакъ не могутъ насъ своими признать. «Наши Русскіе европейцы никакъ не могутъ убѣдить Европу, что мы европейцы и только». Въ этомъ размѣиваніи изъ сверхъ-европейцевъ на европейцевъ и лежитъ весь корень зла.

Пора отвернуться отъ Европы. «Не на вѣки, а временно, и опять таки не совсѣмъ, не совершенно вѣдь отвернемся, какъ бы не отварачивались. Намъ нельзя оставлять Европу совсѣмъ, да и не надо. Это страна «святыхъ чудесъ» — изрекъ самый рьяный славянофилъ. «Европа намъ тоже мать, какъ и Россія, вторая мать наша, мы многое взяли у нея, и опять возьмемъ, и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными».

...«Но все же мы въ правѣ о перевоспитаніи и объ исходѣ нашемъ изъ Египта позаботиться. Ибо мы сами изъ Европы сдѣлали для себя какъ бы другой духовный Египетъ».

...«Со стремленіемъ въ Азію у насъ возродится подъемъ духа и силъ. Чуть лишь станемъ самостоятельныѣе, тотчасъ найдемъ, что намъ дѣлать, а съ Европой, въ два вѣка мы отвыкли отъ всякаго дѣла и стали говорунами и лѣнтяями». Обломовщина ожидаетъ насъ, если мы не сдвинемся съ мѣста. Европа — современная Европа засосетъ насъ, если мы не обновимся, не напитаемся новыми силами.

«Пусть», говоритъ Достоевскій, «хоть немного проникнутся (но проникнутся), что въ будущемъ Азія нашъ исходъ, что тамъ наши богатства, что тамъ нашъ океанъ, что когда въ Европѣ уже отъ одной только тѣсноты заведется неизбежный и претящій имъ самимъ унижительный коммунизмъ, когда цѣлыми толпами стануть тѣсниться у одного очага, и, мало по малу начнутъ разрушаться отдѣльныя хозяйства, а семейства начнутъ бросать свои углы и заживуть сообща, коммунами, когда дѣтей будутъ растить въ воспитательныхъ домахъ (на три четверти подкидышами), — тогда у насъ все еще будутъ просторъ и ширь, и поля, и лѣса, и дѣти наши будутъ расти у отцовъ своихъ, не въ каменныхъ мѣшкахъ, а среди садовъ и засѣянныхъ полей, видя надъ собою чистое небо».

Но не только эту опасность видеть Достоевскій въ одностороннем увлеченіи Европой. Азія нужна намъ и какъ исходъ неиспользованныхъ и размахистыхъ силъ, какъ клапанъ для тѣхъ силъ, которые сдвлены Европой. Да, Достоевскій не дѣлалъ себѣ иллюзіи относительно подземно-бурлящей Россіи. Только «авторитетнаго слова» не хватало, по его признанію, для того, чтобы стали сдирать кожи на Невскомъ. Но онъ сознавалъ, что авторитетное слово, которое двинетъ скифа разрушать не только стѣсняющій аппаратъ Европы, но, попутно и безсознательно и Русскую власть и Русскую вѣру, — придетъ не иначе, какъ отъ западниковъ. Это пророчество, сбывшееся на нашихъ глазахъ, ясно выражено въ его статьѣ : «Мой парадоксъ».

«Насъ обвиняють», говорится въ ней, «всѣхъ русскихъ почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того, революціонеры всегда, съ какой то даже любовью, склонны примкнуть скорѣе къ разрушительнымъ, чѣмъ къ консервативнымъ элементамъ Европы» — Европа объясняетъ это варварствомъ. — «Все это можетъ быть и справедливо», замѣчаетъ Достоевскій, «но, вотъ, что мнѣ пришло на умъ: потому ли Русскій въ общеніи своемъ съ Европой примыкаетъ въ большинствѣ своемъ къ крайней лѣвой, что онъ татаринъ и любитъ разрушеніе, какъ дикій, или же можетъ быть двигаютъ его другія причины — вотъ вопросъ. И согласитесь, что онъ довольно любопытенъ...»

...«Я прямо скажу : у меня отвѣтъ составился, но я доказывать мою идею не буду, а лишь изложу ее слегка, попробую развить лишь фактъ. Да и нельзя доказывать, уже по одному тому, что всего не докажешь».

«Вотъ, что мнѣ кажется : не сказало ли въ этомъ фактѣ (т. е. въ примыканіи къ крайней лѣвой, а въ сущности къ отрицателямъ Европы даже самыхъ яростныхъ нашихъ западниковъ), не сказало ли въ этомъ протестующая Русская душа, которой европейская культура была всегда, съ самого Петра, ненавистна, и которая, во многомъ, слишкомъ во многомъ, оказывалась чуждой Русской душѣ».

Вотъ объясненіе революціи, описанной и раскрытой въ «Бѣсахъ» Вѣра въ европейскость — да при томъ не въ духовную Европу, а въ измельчавшую западную душу — должна вызвать антитезу. Достоевскій предвидѣлъ иностранное слово выпустившее на волю блоковскихъ скифовъ. Но въ неисправимомъ западничествѣ Русскихъ верховъ, а не въ мнимомъ азіатизмѣ Достоевскаго была ошибка. Послѣдователемъ былъ нашъ пророкъ, проповѣдующая сначала поворотъ къ Азій, потомъ мессіанство въ Европѣ.

И теперь, когда всѣ предчувствія сбылись, когда гроза разразилась надъ нами, мы говоримъ : «Да, онъ былъ правъ — не правы были, не связавшіе его пророчества, не понявшіе его голосъ, не разгадавшіе притчи. Люди такой непобѣдимой прозорливости не рожда-

ются каждый вѣкъ, но вѣка охватываютъ ихъ пророчества. Пусть же будутъ путеводными намъ слова Достоевскаго, и да помогутъ они намъ осуществить тотъ разсвѣтъ, который онъ предвидѣлъ за долгимъ мракомъ, разсвѣтъ, въ который не вѣрятъ многіе малодушные, не различающіе вѣчное за временнымъ.

В.—